

языка европейскимъ народамъ совершенно чуждъ, и имъ было бы трудно свыкнуться съ нимъ, то я вполне приноровилъ эту членораздѣльность языка къ духу европейскихъ языковъ, такъ что кто изучаетъ мой языкъ по учебнику, не прочитавши раньше предисловія (которое для изучающаго совершенно не нужно), — тотъ не догадается даже, что строй этого языка чѣмъ либо отличается отъ строя его роднаго языка. Такъ, напримѣръ, происхожденіе слова *frat,in,o*, которое въ дѣйствительности состоитъ изъ трехъ словъ: *frat* (братъ), *in* (женщина, самка), *o* (то, что есть, существуетъ) (= то - что - есть - женщина-братъ=сестра), — учебникъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: братъ=*frat*; но такъ какъ всякое существительное въ именительномъ падежѣ *кончается* на *o* — слѣдовательно *frat,o*; для образованія женскаго пола того же понятія вставляется слово *in*; слѣдовательно сестра—*frat,in,o*; черточки же пишутся потому, что грамматика требуетъ помѣщенія ихъ между отдѣльными составными частями слова. Такимъ образомъ членораздѣльность языка нисколько не затрудняетъ изучающаго; онъ даже не догадывается, что то что онъ называетъ окончаніемъ или приставкой или суффиксомъ, есть вполне самостоятельное слово, которое всегда сохраняетъ одинаковое значеніе, будетъ ли оно употреблено въ концѣ или въ началѣ другого слова, или самостоятельно, что каждое слово съ одинаковымъ правомъ можетъ быть употреблено какъ коренное слово или какъ грамматическая частица. А между тѣмъ результатъ этого строя языка такой, что все, что вы напишете на интернаціональномъ языкѣ, немедленно и съ полною точностью пой-